

Русские вѣдомости. М.,

1893. 1 марта. № 58.

с. Заметки читателя

мас. 1039

... года, и здѣсь сцена между Бениаминой, ш-ше Абрахам и ихъ родственникомъ буквально соответствуетъ приведенной въ статьѣ сценѣ между Ануэиной, Слабоуновой и ея братомъ. Слѣдовательно раньше, чѣмъ возвеличивать достоинства и значеніе русской комедіи прошлаго вѣка, надо съ особенной тщательностью познакомиться съ современнымъ французскимъ репертуаромъ и даже отчасти англійскимъ, передавшимъ много популярнѣйшихъ мотивовъ французскимъ драматургамъ.

Беллетристическія произведенія, заслуживающія вниманія, повидимому, еще далеки отъ конца и общій смыслъ ихъ пока опредѣлить трудно. Повѣсть г. Боборыкина, «Наши люди», интересна по темѣ и характерамъ. Авторъ на этотъ разъ изображаетъ міръ петербургской прислуги. Главное дѣйствующее лицо — лакей со всеми пороками развращеннаго культурнаго хама. До сихъ поръ онъ занятъ мечтами о блестящей карьерѣ и подробнымъ анализомъ своихъ достоинствъ. Г. Боборыкинъ упорно слѣдуетъ методу, принятому въ романѣ «Василій Теркинъ»: ведетъ громадную часть своего разсказа *отъ точки зрѣнія дѣйствующихъ лицъ*. Выходятъ всѣ философы и психологи изъ школы французскаго романиста Поля Бурже. Герои г. Боборыкина разсуждаютъ на одинъ ладъ и въ большинствѣ случаевъ высказываютъ читателю не свои сужденія, а *авторскія*. Въ этомъ — существенное неудобство приема, сравнительно очень недавно усвоеннаго г. Боборыкинымъ. На разсказъ ложится отпечатокъ чего-то монотоннаго, тягучаго, заливающего однимъ цвѣтомъ всѣ лица и событія.

Интересно начать очеркъ г. Чехова, подъ заглавіемъ «Разсказъ незнакомца». Предъ нами — также лакей и также большой наблюдатель и психологъ, по психологъ *самъ-по-себѣ*, а не по авторскому велѣнію, — личность живая и правдиво нарисованная. У обоихъ авторовъ путемъ впечатлѣній прислуги мы знакомимся съ большимъ свѣтомъ Петер-

бурга. У г. Боборыкина прекрасно узнаны внѣшнюю явную господь, сцену ихъ дѣйствій, у г. Чехова особенное вниманіе сосредоточено на духовномъ мірѣ. Это соответствуетъ характерамъ самихъ наблюдателей: лакей у г. Боборыкина — пошлякъ и хамъ, у г. Чехова — интеллигентный, умный, глубоко-чувствующій человекъ, случайно-попавшій въ лакеи.

Но разскачикъ — просто передаточная инстанція для своихъ господъ и если бы его удалить со сцены и повести разсказъ обычнымъ путемъ, отъ лица автора, мы бы ничего не потеряли. Можетъ быть, даже выиграли бы: не имѣли бы ежеминутно предъ собой человека, упрямаго отъ чохотки. Авторъ всегда чувствовалъ пристрастіе къ «исторіямъ болѣзней» и умѣетъ писать ихъ вѣроятно очень основательно — съ точны зрѣніемъ патологій. Но въ данномъ случаѣ патологія врывается въ разсказъ чисто внѣшней и совершенно лишней силой.

«Дѣйствующіе» герои г. Чехова — чиновники-аристократы — въ сущности одного нравственнаго покроя: пошляки и эгоисты со дня своего рожденія. Разница только въ подробностяхъ, — и эти подробности отъбѣиваются превосходно: авторъ умѣетъ съ замѣчательнымъ тактомъ подобрать даже оригинальную внѣшность, подходящую къ той или другой натурѣ. Здѣсь — сплошная тѣма и какой-то промозглый, затхлый воздухъ. Появляется женщина, страстно влюбленная въ одного, самаго деревяннаго эгоиста. Недоконченные штрихи и недоговоренныя рѣчи придаютъ всему разсказу характеръ случайныхъ необработанныхъ набросковъ; авторъ будто во время самаго процесса письма придумываетъ страницу за страницей, пассажъ за пассажемъ. Таково впечатлѣніе первыхъ напечатанныхъ главъ разсказа. Окончательное мнѣшеніе его достоинствъ и недостатковъ — впереди.

Ив. Ивановъ.